

Эренбург Илья

Трубка солдата

Илья Эренбург
ТРУБКА СОЛДАТА

Тишайший свет звезды несется тысячи лет, прежде чем показаться людям, но. короток век человека: детство с играми, любовь и труд, болезни, смерть.

Была война. Когда-нибудь подберут эпитет "великая" или "малая", чтобы сразу отличить ее от других войн, бывших и будущих. Для людей, живших в тот год, была просто война.

Была война, и на крохотном пространстве, близ груды камней, называвшихся прежде бельгийским городом Ипром, сидели, ели и умирали чужие пришлые люди. Их называли 118-м линейным полком французской армии. Полк этот, сформированный на юге, в Провансе, состоял из крестьян - виноделов или пастухов. В течение шести месяцев курчавые темные люди ели и спали в глинистых ямах, стреляли, умирали, вскинув руки, и на штабной карте корпуса было помечено, что 118-и линейный полк защищает позиции при "Черной переправе".

Напротив, в пятистах шагах, сидели другие люди, и они тоже стреляли. Среди них было мало курчавых и черных. Белесые и светлоглазые, они казались крупней и грубей виноделов;- говорили они на непохожем языке. Это были хлебопашцы Померании; их называли в другом штабе 87-м запасным батальоном прусской армии.

Это были враги; а между врагами находилась земля, которую и виноделы и хлебопашцы называли "ничьей". Она не принадлежала ни Германской империи, ни Французской республике, ни Бельгийскому королевству. Развороченная снарядами, изъеденная вдоль и поперек брошенными окопами, круто начиненная костями людей и ржавым металлом, она была мертвой и ничьей.

Ни одной былинки не уцелело на ней, и в июльские полдни она пахла калом и кровью. Но никогда, ни за какой благословенный сад с тучными плодами и с цветами теплиц люди так не боролись, как за этот вождеденный пустырь. Каждый день кто-нибудь полз с земли

французской или немецкой на" землю, называвшуюся "ничьей", и замешивал глину вязкой кровью.

Одни говорили, что Франция воюет за свободу, другие - что она хочет похитить уголь и железо; но солдат 118-го линейного полка Пьер Дюбуа воевал только потому, что была война. А до войны был виноград. Когда шли слишком часто дожди или на лозы нападала филлоксера, Пьер хмурился, он стегал собаку, чтобы она его не объедала. А в хороший год, продав выгодно урожай, он надевал крахмальную манишку и ехал в ближний городок. Там, в кабачке "Свиданье принцев", он веселился как мот, хлопал служанку по широкой спине и, бросив в машину два су, слушал, приоткрыв рот, попури. Один раз Пьер болел, у него сделался нарыв в ухе, это было очень больно. Когда он был маленьким, он любил ездить верхом на козе и красть у матери сушеные фиги. У Пьера была жена Жанна, и он часто любовно сжимал ее груди, крутые и смуглые, как гроздь винограда. Такова была жизнь Пьера Дюбуа. А потом Франция начала сражаться за свободу или добывать себе уголь, и он стал солдатом 118-го линейного полка.

В пятистах шагах от Пьера Дюбуа сидел Петер Дебау, и жизнь его была непохожей на жизнь Пьера, как непохожа картошка на виноград или север на юг, и она была бесконечно похожей, как похожи друг на друга все плоды земли, все страны и все жизни. Петер ни разу в жизни не ел винограда, он только видел его в окнах магазинов. Музыка он не любил, а по праздникам играл в кепли. Он хмурился, когда солнце пекло и йе было дождей, потому что тогда травы желтели и коровы Петера давали плохое молоко. У него никогда не болело ухо. Однажды он простудился и с неделю пролежал в сильном жару.

Мальчиком Петер играл со старой отцовской таксой и картузом ловил солнечных зайчиков. Его жена Иоганна была бела, как молоко, рыхла, как вареный картофель, и Петеру это нравилось. Так жил Петер. Потом - говорили одни, что Германия сражается за свободу, другие, что она хочет похитить железо и уголь, - Петер Дебау стал солдатом 87-го запасного батальона.

На "ничьей" земле не было ни свободы, ни угля - только кости и ржавая проволока, но люди хотели во что бы то ни стало завладеть "ничьей" землей. Об этом подумали в штабах и упомянули в бумагах. 24 апреля 1916 года лейтенант призвал к себе солдата Пьера Дюбуа и

отдал Приказ в два часа пополуночи проползти по брошенному окопу, прозванному "кошачьим коридором", вплоть до германских позиций и установить, где расположены неприятельские посты.

Пьеру Дюбуа было двадцать восемь лет. Это, конечно, очень мало - тишайший луч звезды несется много веков. Пьер, услышав приказ, однако, подумал, что была филлоксера, губившая виноград, и болезни, губившие человека, а стала - война и что человеку надо теперь считать не годы, а часы. До двух пополуночи оставалось еще три часа и пятнадцать минут. Он успел пришить пуговицу, написать Жанне, чтобы она не забыла посыпать серой молодые лозы, и, громко прихлебывая, выпить кружку черного кислого кофе.

В два часа пополуночи Пьер пополз по скользкой глине завоевывать "ничью" землю. Он долго пробирался окопом, прозванным "кошачьим коридором", натываясь на тюсти и колючую проволоку. Потом коридор кончился. Направо и налево шли такие же брошенные окопы, сиротливые, как брошенные дома. Раздумывая, какой выбрать - правый или левый - оба вели ведь к смерти, - Пьер решил передохнуть, он закурил свою трубку, бедную солдатскую трубку, испачканную глиной. Было очень тихо - люди обычно громко стреляли днем, а ночью они убивали друг друга без шума, посылая разведчиков, как Пьер, или роя подкопы. Пьер курил трубку и глядел на густое звездное небо. Он не мерил и не гадал, не сравнивал миров со своей деревушкой в Провансе. Он только подумал: если на юге такая же ночь винограду хороню, и Жанне тоже, Жанна любит теплые ночи. Он лежал И курия, всей теплотой своего тела радуясь тому, что здесь, на мертвой, "ничьей" земле, он еще жив, дышит и курит, может пошевельнуть рукой или ногой.

Но Пьер не успел раскурить хорошенько трубку, как из-за угла показалось перед ним чье-то лицо. Кто-то полз навстречу.

Пьер видел лицо - светлое и широкое, непохожее на лица виноделов или пастухов Прованса, Пьер видел чужое лицо, и чужой шлем, и чужие пуговицы. Это был Петер Дебау, но для Пьера он был просто врагом, как просто война. Он не знал, что вечером германский лейтенант вызвал к себе солдата Петера, что Петер тоже чинил свою шинель, писал Иоганне, чтобы она не забывала стельных коров, и, чавкая, хлебал похлебку Пьер не знал об этом, а если б и знал, все равно не понял бы - ведь в тот год была война. Для Пьера Петер был

просто врагом, и, увидев врага, приползшего навстречу, Пьер изогнулся, готовый вцепиться в добычу. И рядом Петер, увидев врага так близко, что он слышал, как бьется чужое сердце, выпростал руки, подобрал ноги, размеряя лучше прыжок.

Они лежали друг против друга. Каждый ждал и не хотел начинать. Руки обоих были на виду, и, не глядя на лица, оба зорко следили за вражескими рукавами.

А трубка Пьера курилась. Враги лежали рядом, не желая убивать, но твердо зная, что убить необходимо, лежали мирно и громко дышали друг другу в лицо. Они, как звери, принюхи

вались к чужой шерсти. Запах был родной и знакомый, запах промокшей шинели, пота, скверного супа, глины.

Пришедшие из дальних земель, из Прованса, из Померании, на эту землю, ничью и чужую, они знали: нужно убить врага.

Они не пытались разговаривать: много чужих земель и чужих языков. Но они мирно лежали рядом, и трубка Пьера курилась, и Петер, который не мог закурить своей, зная, что нельзя шевельнуть рукой, жадно вдыхал табачный дым, и тогда Пьер еще ближе выпятил свою голову. Петер взял трубку зубами из зубов.-А глаза обоих по-прежнему не отпускали чужих рук.

Затянувшись, Петер возвратил трубку Пьеру, и тот в свою очередь, уже не дожидаясь просьбы, после затяжки предложил ее врагу. Так они делали несколько раз, сладко куря солдатскую трубку, два врага на "ничьей" земле, которую надо было во что бы то ни стало завоевать. Они затягивались осторожно, медленно, очень, очень медленно. Тишайший луч мчится тысячи лет, а они знали, что для одного из них - это последняя трубка.

Случилось несчастье - трубка, не додымив до конца, погасла.

Кто-то из двух задумался и вовремя не продлил своим проглоченным вздохом ее короткой жизни. Был ли это Пьер, вспомнивший смуглую Жанну, или Петер, прощавшийся с белесой Иоганной? Кто-то из двух... Они знали, что достать зажигалку нельзя, что малейшее движение рукой - борьба и смерть. Но кто-то первый решился. Пьер ли, защищавший Французскую республику и в заднем кармане хранивший кремь с длинным шнуром, или Петер, у которого были спички и который сражался за Германскую империю? Кто-то из двух...

Они начали друг друга душить. Трубка выпала, завязла в глине. Они душили и били один другого молча, катаясь по земле. Наконец они затихли, они снова мирно лежали рядом, только без трубки, мертвые, на мертвой и "ничьей" земле.

Вскоре перестали быть зримыми тишайшие лучи, идущие от звезд к земле; рассвело, и, как каждый день, люди, убивавшие ночью молча, увидев солнце, начали убивать громко, стреляя из ружей и пушек. В двух штабах занесли в списки пропавших без вести имена, столь различные и сходные, двух солдат, а когда снова пришла ночь, поползли, на землю, называвшуюся "ничьей", новые люди, чтобы сделать то, чего не сделали ни Пьер, ни Петер, потому что в тот год была война.

В деревушке Прованса смуглая Жанна, посыпая серой виноград, плакала над Пьером, а поплавав, она пустила в свой дом другого мужа - Поля, ведь кто-нибудь должен был подрезать лозы и сжимать ее груди, крутые, (как гроздь). И очень далеко от нее, но все же куда ближе, чем звезда от звезды, в деревушке Померании, плакала белесая Иоганна, подсыпая корм стельным коровам, и, так как коровы требовали много забот, а ее тело, белое, как молоко, не могло жить без ласки, на ферме появился новый муж, по имени Пауль.

В апреле 1917 года "ничья" земля, пахнувшая калом и кровью, перестала быть ничьей. В теплый ясный день на ней умерло очень много людей из разных земель, и желтая глина, замешанная кровью, сделалась чьей-то, собственной, законной землей. Впервые по окопу, носившему название "кошачьего коридора", люди црошли спокойно, не сгибав даже головы. На повороте, там, где кончался "кошачий коридор" и ветвились направо и налево другие окопы, не имевшие прозвищ, они увидели два скелета, обнимавшие друг друга. Рядом с ними валялась маленькая трубка.

Вот она передо мной, бедная солдатская трубка, замаранная глиной и кровью, трубка, ставшая на войне "трубкой мира"! В ней еще сереет немного пепла - след двух жизней,-сгоревших быстрее, чем сгорает щепотка табаку...

1922

ЭРЕНБУРГ Илья Григорьевич (1891 - 1967). Трубка солдата. Впервые опубликован в журнале "Паруса", 1922, № 1. Входит в

сборник новелл "Тринадцать трубок". Печатается по изданию:
Эренбург Илья. Собр. соч.
в 9-ти т. т. 1. М.. Художественная литература, 1962.